

УДК 81.42

**СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ХЛЕБ»
В РАССКАЗЕ В.А. СОЛОУХИНА «КАРАВАЙ ЗАВАРНОГО ХЛЕБА»**

© 2021 г.

К.М. Богрова, А.С. Малахов

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир

kmbogrova@mail.ru

Поступила в редакцию 05.07.2020

В рамках антропоцентрической парадигмы анализируется когнитивный аспект структуры языковой личности Владимира Алексеевича Солоухина – известного писателя и общественного деятеля Владимирского края. Представлен лексико-семантический, компонентный и контекстуальный анализ лексического пространства рассказа В.А. Солоухина «Каравай заварного хлеба» с целью выявления компонентов, формирующих концептосферу писателя. Выделена смысловая доминанта «хлеб», являющаяся особым концептом в творчестве писателя. Анализируемая доминанта на протяжении рассказа приобретает разное смысловое наполнение: понятийное (хлеб как продукт питания, хлеб как пища); образное (хлеб как потребность, хлеб как дефицит, хлеб как дорогостоящий продукт, хлеб как драгоценность); ценностное (хлеб как дом, хлеб как жизнь).

Ключевые слова: языковая личность, концептосфера, В.А. Солоухин, смысловая доминанта, концепт, синтагматика, парадигматика, оценочный компонент.

Исследования языковой личности в современной лингвистике являются актуальными, поскольку входят в антропоцентрическую парадигму изучения русского языка и предполагают рассмотрение индивидуального языкового творчества, языковых характеристик авторского письменного текста. Языковое, словесное, творчество личности обусловлено ее концептуальной картиной мира и с лингвистической точки зрения является малоизученным. Именно поэтому современная наука о языке все чаще обращает свое внимание на этот аспект словесного творчества, что особенно актуально для регионального языкознания, поскольку в настоящее время делается активная попытка изучения конкретного речевого материала и экстралингвистических факторов, влияющих на формирование языковой личности писателя.

Существует много определений языковой личности, но все они в той или иной степени вытекают из определения Ю.Н. Караулова: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [1]. В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов выделяет три уровня: 1) вербально-семантический (лексикон языковой личности); 2) когнитивный (концептосферу языковой личности); 3) прагматический (целестановки языковой личности).

В соответствии с трехуровневым пониманием языковой личности того или иного писателя выделяются следующие задачи исследования: изучить лексику, использованную в произведениях, и представить словарь языка писателя; рассмотреть концептосферу, понимаемую как совокупность концептов, представляющих собой «результат столкновения словарного значения слова с личным или народным опытом» [2, с. 151], и проанализировать основные составляющие концептосферы писателя; определить, какие цели преследует автор, делая акцент на конкретных лексических единицах, имеющих определенное смысловое наполнение, как правило, большее, чем словарное значение.

Понятно, что изучение языковой личности писателя – процесс длительный и трудоемкий, так как для того, чтобы составить языковой портрет писателя, необходимо проанализировать язык всех произведений автора: художественных произведений, дневниковых записей, писем, публицистических и научных текстов. Об этом писал еще В.В. Виноградов, отмечая, что «творчество писателя, его авторская личность, герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты» [3, с. 6], и потому «исследования стиля, поэтики писателя, его мировоззрения невозможны без основательного, тонкого знания его языка» [3, с. 6].

С лингвистической точки зрения в современной науке интересным для анализа является язык писателей, жизнь и творчество которых связаны с языком и культурой определенного

региона. Одним из таких писателей для Владимирской земли является Владимир Алексеевич Солоухин. Несмотря на то что В.А. Солоухин известен за пределами области и страны, язык его произведений (и его языковая личность) мало изучен. Для выявления концептосферы писателя необходимо определить смысловые доминанты художественных произведений, поскольку единицами когнитивного уровня «являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей» [1].

Масштабный по своей реализации проект, направленный на изучение языковой личности В.А. Солоухина, мы начали с широко известной повести «Владимирские проселки». Итогом этой работы стали материалы для словаря писателя [4]. Кроме того, нами уже определены некоторые смысловые доминанты, представляющие особую ценность для В.А. Солоухина: вода – в рассказе «Летний паводок» [5], месть – в рассказе «Мститель» [6], путешествие – в повести «Владимирские проселки» [7].

В данной статье хотелось бы остановиться еще на одном рассказе В.А. Солоухина – «Каравай заварного хлеба». Основная доминанта любого художественного произведения малой формы, как правило, заложена в его названии, так как именно заглавие и эпиграф «представляют собой явные авторские знаки, указывающие получателю путь интерпретации текста» [8]. Кроме того, «будучи компонентом текста, заглавие оказывается связанным с текстом довольно сложными отношениями взаимозависимости. С одной стороны, оно предопределяет в известной мере содержание текста, с другой – само определяется им, развивается, обогащается по мере развертывания текста» [9, с. 62], т.е. название произведения, как правило, обуславливает лексическое наполнение текста и позволяет выявить смысловые доминанты текста.

В ходе компонентного анализа лексем, входящих в название рассказа «Каравай заварного хлеба», мы пришли к следующим выводам.

Стержневая лексема *каравай* имеет словарное значение ‘большой круглый хлеб’ (здесь и далее значение лексической единицы приводится по: [10]). Основу словарного значения составляют три семы: архисема ‘хлеб’ и дифференциальные семы ‘большой’ и ‘круглый’, обозначающие размер и форму. Слово *каравай*, в значении которого уже содержится сема ‘хлеб’, в названии произведения В.А. Солоухина сочетается с существительным *хлеб* (*каравай хлеба*), хотя с точки зрения современных лексических

норм такое сочетание является избыточным. Однако В.А. Солоухин намеренно допускает лексическую ошибку (плеоназм) для того, чтобы акцентировать внимание на значимости, ценности хлеба и выделить его как смысловую доминанту всего рассказа. Кроме компонентного анализа при определении смысловой доминанты используется статистический подсчет, в ходе которого обнаружено, что лексема *хлеб* употребляется в рассказе чаще других (20 раз).

Рассмотрим смысловую доминанту *хлеб* в рассказе «Каравай заварного хлеба». В настоящей статье смысловая доминанта *хлеб* проанализирована с опорой на представление В.И. Карасика о трехчленной структуре концепта. По В.И. Карасику, в структуре концепта выделяется три компонента: понятийный, образный и ценностный [11, с. 3–16]. Каждый компонент вербализуется своими особыми лексико-семантическими единицами, совокупность которых позволяет говорить о хлебе как о смысловой доминанте, занимающей особое место в концептосфере В.А. Солоухина.

Основу понятийного компонента составляет сама лексема *хлеб*, которая в рассказе употребляется в своем первом, прямом, значении ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’: *Рот его в это время был полон жеваным хлебом, перемешанным с желтым маслом и розовой ветчиной.*

На понятийном уровне состав смысловой доминанты *хлеб* не ограничивается основным компонентом и включает совокупность таких производных элементов, которые связаны с первым парадигматическими отношениями. В ходе анализа мы выяснили, что к числу таких элементов относятся:

1) существительное *каравай*, реализующее значение ‘большой круглый хлеб’, которое являющееся синонимом к слову *хлеб*: *Мать испекла мне большой **круглый** каравай заварного хлеба;*

2) существительное *буханка* со значением ‘формовой, обычно черный хлеб’, которое также, как и предыдущее, нередко употребляется в качестве синонима к слову *хлеб*: *На базаре буханка хлеба стоила девяносто рублей;*

3) прилагательное *хлебный*, имеющее толкование в словаре ‘соотносящийся по значению с существительным хлеб’ и являющееся суффиксальным производным: *Я почувствовал, что желудок мой совершенно пуст и, для того чтобы дойти до дому, я обязательно должен что-нибудь съесть, хотя бы жесткую **хлебную** корку со стаканом воды; Я тоже как вы, мне на **хлебную** карточку тоже четыреста граммов дают.*

Таким образом, на понятийном уровне все компоненты смысловой доминанты *хлеб* (и основной, и производные) дают представление

В.А. Солоухина о хлебе, прежде всего, как о пищевом продукте.

Образный компонент смысловой доминанты выявляется с учетом синтагматических связей слов, составляющих основу понятийного уровня, так как окружение ключевого слова наполняет его дополнительными смыслами за счет метафоризации и символизации. Проанализируем синтагматику слова *хлеб*, которая помогает понять, какими смыслами наполняется данная лексема у В.А. Солоухина. Существительное *хлеб* сочетается с разными частями речи: прилагательными, глаголами.

Анализ сочетаемости существительного *хлеб* с прилагательными показывает, что в рассказе речь идет о двух видах хлеба, приготовленных разными способами: обычном черном (*обычный* – ‘всегда свойственный кому-л., чему-л.; всегдашний, привычный’) и сладком заварном (*заварной* – ‘изготовленный с предварительной варкой или заваркой’). При этом В.А. Солоухин подчеркивает, что заварной хлеб *от обычного хлеба отличается тем, что заметно сластит и немного пахнет солодом*. Каждый вид хлеба имеет свои отличительные признаки, на что указывают прилагательные, сочетающиеся с лексемой *хлеб*.

По отношению к обычному хлебу используется прилагательное *черный* со значением ‘испеченный из темной, ржаной муки (о хлебе и прочих мучных изделиях)’: *Тут-то я и объявил своим ребятам, что пойду к себе в деревню и что уж не знаю, удастся ли мне принести ветчины или сметаны, но черный хлеб гарантирую*.

Заварной хлеб наделяется такими признаками, как *сладкий* ‘имеющий вкус, свойственный сахару, меду и т.п.’: *У меня хлеб есть, заварной, сладкий; большой* ‘значительный по величине, размерам’, *круглый* ‘имеющий форму круга, шара’: *Мать испекла мне большой круглый каравай заварного хлеба; единственный* ‘замечательный, неповторимый, исключительный’ (перен.): *Напряженность всех этих дней, усталость, мужик, не позвавший меня ночевать, грузовик, проехавший мимо, горе одинокой и доброй тети Маши, сердоболие, которое вложила мать в единственный каравай заварного хлеба (и думает, что я его буду есть теперь целую неделю), бесцеремонность, с которой у меня взяли этот каравай, огорчение, что не принес его в общежитие, заботы ребят, хотевших покормить меня из Мишкиных запасов, его хитрая бесстыдная ложь – все это вдруг начало медленно клубиться во мне, как клубится, делаясь все темнее и зловещее, июльская грозная туча; драгоценный* ‘имеющий большое значение, очень важный, нужный для кого-л.’ (перен.): *Переночевав дома ночь, положив дра-*

гоценный каравай в заплечный мешок, я отправился обратно во Владимир к своим друзьям в студеное, голодном общежитии.

Таким образом, заварной хлеб (каравай) наделяется большим количеством признаков, чем обычный черный (буханка), что свидетельствует об особом отношении автора к этому виду хлеба, являющимся некой драгоценностью, сделанной материнскими руками.

Словоформа *хлеб* сочетается с различными глаголами:

– *намазать* ‘класть, наносить на что-л. слой чего-л. липкого, жидкого, густого’;

– *жрать* ‘поглощать пищу, питаться чем-л.’: *Он намазал маслом хлеб, положил сверху ломь ветчины и стал жрать*;

– *гарантировать* ‘обеспечить осуществление, исполнение чего-л.’: *Тут-то я и объявил своим ребятам, что пойду к себе в деревню и что уж не знаю, удастся ли мне принести ветчины или сметаны, но черный хлеб гарантирую*;

– *попросить* ‘обратиться с просьбой к кому-л.’ (употребляется также отглагольное существительное *просьба* ‘обращение к кому-л., призывающее удовлетворить какие-л. желания просящего’): *Я так на него злюсь, – думал я, – как будто я уж попросил хлеб, а он отказал; Но и до сих пор я не знаю, как отнесся бы попутчик к моей просьбе насчет хлеба или ночлега, потому что, когда дошли до его деревни, он свернул с дороги на тропинку вдоль домов и сказал мне, дотронувшись до башлыка*;

– *дать* ‘предоставлять что-л. в чье-л. распоряжение, снабжать кого-л. чем-л.’: *А может, он и хлеба даст, и ночевать пустит, – ничего не известно*;

– *показаться* ‘появляться, становиться видимым, заметным’: *Я поднял клюшку и раз, и два, и вот уже обнажилось сокровенное нутро «амбара»; покатила стеклянная банка со сливочным маслом, кусочками рассыпался белый-белый сахар, сверточки побольше и поменьше полетели в разные стороны, на дне под свертками показался хлеб*.

Компонентный анализ глаголов, сочетающихся со словом *хлеб*, показывает, что в их составе эксплицитно или имплицитно содержится общая сема ‘удовлетворение потребности’.

Лексема *хлеб* употребляется и со словами, указывающими на количество – *четыреста граммов*: *По студенческим хлебным карточкам нам давали четыреста граммов хлеба, который мы съедали за один раз*. При этом В.А. Солоухин с помощью придаточного определительного акцентирует внимание читателя на том, что эти четыреста граммов «съедались за один раз» (*съедаться* – ‘употреблять в пищу,

есть в каком-н. количестве'), что позволяет говорить о наличии в смысловом наполнении лексемы *хлеб* еще одной потенциальной семы 'дефицит, нехватка'. Дефицит же какого-либо продукта или товара приводит к повышению цен на него, вследствие чего хлеб становится дорогостоящим продуктом: *На базаре буханка хлеба стоила девяносто рублей – это примерно наша месячная стипендия.*

Таким образом, анализ сочетаемости слова *хлеб* с другими словами показывает, что понятийный компонент усложняется дополнительными семами 'удовлетворение потребности', 'дефицит', 'дороговизна' и 'драгоценность', что позволяет создать образный компонент: хлеб как потребность, хлеб как дефицит, хлеб как дорогостоящий продукт, хлеб как драгоценность. Неслучайно достать хлеб – это почетно (*почет* – 'глубокое уважение, почтение, проявляемое по отношению к кому-л., чему-л. обществом, окружающими людьми'): *Как ни стараюсь я вообразить, что глаза самой красивой девчонки со всего курса, синие глаза Оксаны смотрят на меня в эту минуту и, значит, надо идти как можно тверже и прямее, не сгибаться под ветром, не поворачиваться к нему спиной, как ни **почетна** была моя задача принести каравай хлеба ребятам из общежития, ночь взяла свое – мне стало жутко.* Такое отношение к хлебу объясняется просто: была Великая Отечественная война, и хлеб, который является «пищевым продуктом», становится символом жизни: *Конечно, может быть, мы не так дорожили бы каждой молекулой тепла, если бы наши харчишки были погуще. Но шла война, на которую мы, шестнадцатилетние и семнадцатилетние мальчишки, пока еще не попали.*

Ценностный компонент смысловой доминанты связан с отношением автора к этому явлению, с авторской оценкой (как положительной, так и отрицательной). Рассмотрим, какую же оценку дает хлебу В.А. Солоухин.

В ходе анализа понятийного и образного компонентов мы пришли к выводу, что для В.А. Солоухина хлеб – это прежде всего жизнь. Такое представление о хлебе возникает в связи с тем, что хлеб рассматривается как основа существования. Когда нечего есть, именно на хлеб может быть вся *надежда* ('то, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот'): *Тут у меня в голове гвоздем засела мысль: надо будет у этого мужика, когда он дойдет до своего дома, попросить кусок хлеба, – может, даст. Если есть дом, значит, есть и хлеб в доме. Все же не голодовка теперь. Но вот ведь какая досадная психология! Когда ты сыт и у тебя все есть, ничего не стоит спросить у других людей и хлеба, и еще чего-нибудь. Но когда на этот кусок вся **надежда**...*

И если вся надежда только на хлеб, то именно он становится у В.А. Солоухина *спасением*, той «разменной монетой», которая позволила герою проехать вторую половину пути от дома до города на грузовике и тем самым спасла его от холодной смерти: *Остановился седьмой грузовик (к этому времени я пробрел еще три километра). – Ну, куда тебе? – грозно спросил шофер, выйдя из кабины. – Спирт есть? – Нету, какой может быть спирт? – Табак, папиросы? – Нету. – Сало? Э, да что с тобой разговаривать! – Он пошел в кабину. Угрожающе зарычал мотор. – Дяденька, дяденька, не уезжайте! У меня хлеб есть, заварной, сладкий. Сегодня утром мать испекла. Мотор перестал рычать. – Покажи. Я достал из мешка большой, тяжелый каравай в надежде, что шофер отрежет от него часть и за это довезет до Владимира. – Это другое дело, полезай в кузов. Каравай вместе с шофером исчез в кабине грузовика. Надо ли говорить, что больше я не видел своего карава. Но, видимо, болезнь крепко захватила меня, если и само исчезновение карава, ради которого я перенес такие муки, было мне сейчас безразлично.*

В тексте рассказа возникает еще одна ассоциация: хлеб – это дом, не только потому, что этот «единственный» каравай заварного хлеба «с сердоболем» испекла мать, но и потому, что автор прямо заявляет об этом: *Если есть дом, значит, есть и хлеб в доме.* Такое толкование позволяет выделить в слове *хлеб* еще одну потенциальную сему – 'родное', 'близкое'.

Все эти дополнительные смыслы говорят о том, что хлеб оценивается положительно, рассматривается как нечто ценное, как то, без чего невозможна жизнь, и составляет, бесспорно, важный компонент в концептуальной картине мира писателя, что и нашло отражение в его творчестве.

Подводя итог, следует отметить, что в названии рассказа «Каравай заварного хлеба» заложена основная смысловая доминанта *хлеб*, которая на протяжении рассказа приобретает разное смысловое наполнение: понятийное (хлеб как продукт, хлеб как пища); образное (хлеб как потребность, хлеб как дефицит, хлеб как дорогостоящий продукт, хлеб как драгоценность); ценностное (хлеб как надежда, хлеб как спасение, хлеб как жизнь, хлеб как символ дома). Проведенный лексико-семантический, компонентный и контекстуальный анализ показывает, что в концептосфере В.А. Солоухина можно выделить особый концепт *хлеб*, который у писателя наполняется разным содержанием и выражает аксиологическое значение.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения [Электронный ресурс] // Язык и личность. М.: Наука, 1989. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_329.html (дата обращения: 13.04.2018).
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147–165.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1959. 656 с.
4. Богрова К.М., Малахов А.С., Малахова М.С., Артамонова М.В. Лексико-семантическое пространство лирической повести В.А. Солоухина «Владимирские проселки»: материалы для словаря писателя. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2017. 238 с.
5. Богрова К.М., Малахов А.С. Роль смысловой доминанты «вода» в формировании языковой личности В.А. Солоухина (на материале рассказа «Летний паводок») // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 9. С. 100–104.
6. Богрова К.М., Малахов А.С. «Мечь» как лексическая доминанта рассказа В. Солоухина «Мститель» // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 4 (8). С. 49–56.
7. Богрова К.М., Малахов А.С., Артамонова М.В. Путешествие как смысловая доминанта лирической повести В. Солоухина «Владимирские проселки»: Монография. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2016. 202 с.
8. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа [Электронный ресурс]. М.: Ось-89, 1999. URL: <http://gramota.ru/biblio/research/hudtext0> (дата обращения: 03.05.2018).
9. Основина Г.А. О взаимодействии заглавия и текста // Русский язык в школе. 2000. № 4. С. 62–66.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии [Электронный ресурс] // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. URL: http://perviydoc.ru/v23702/karasik_v.i._o_kategoriyah_lingvokulturologii (дата обращения: 10.05.2018).

THE SEMANTIC CONTENT OF THE LEXEME «BREAD» IN THE STORY OF V.A. SOLOUKHIN «KARAVAJ ZAVARNOGO HLEBA»

K.M. Bogrova, A.S. Malakhov

The article is devoted to the research of cognitive aspect of the structure of the linguistic personality of V. Soloukhin who is well-known writer and public figure of Vladimir region. Lexical, semantic, conceptual and contextual analysis of lexical area of the V.A. Soloukhin's story «Karavaj zavarnogo hleba» is represented in the article. The object of the analysis is identification of the components which formed the writer's conceptosphere. The analysis is highlighted the semantic dominant «bread» is special concept in the work of the writer. The analyzed dominant acquires a different content: conceptual (bread as food), metaphorical (bread as necessity, bread as expensive product, bread as precious thing), axiological (bread as home, bread as life).

Keywords: linguistic personality, V.A. Soloukhin, semantic dominant, concept, syntagmatic, paradigmatic, axiological component.

References

1. Karaulov Yu.N. Russian language personality and the tasks of its study [Electronic resource] // Language and personality. M.: Nauka, 1989. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_329.html (Date of access: 13.04.2018).
2. Likhachev D.S. The conceptosphere of the Russian language. St. Petersburg: Blitz, 1999. P. 147–165.
3. Vinogradov V.V. On the language of artistic literature. M.: State Publishing House of Fiction, 1959. 656 p.
4. Bogrov K.M., Malakhov A.S., Malakhov M.S., Artamonova M.V. Lexical-semantic space lyrical story of Vladimir Soloukhin «Vladimir country roads»: materials for a dictionary of the writer. Noginsk: ANALITIKA RODIS, 2017. 238 p.
5. Bogrova K.M., Malakhov A.S. The role of the semantic dominant «water» in the formation of the linguistic personality of V.A. Soloukhin (on the material of the story «Summer Flood») // Vestnik Vyatka State Humanitarian University. 2016. No. 9. P. 100–104.
6. Bogrova K.M., Malakhov A.S. «Revenge» as a lexical dominant of V. Soloukhin's story «The Avenger» // Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. Social sciences and Humanities. 2015. No. 4 (8). P. 49–56.
7. Bogrova K.M., Malakhov A.S., Artamonova M.V. Journey as a semantic dominant of V. Soloukhin's lyrical story « Vladimir country roads»: Monograph. Noginsk: ANALITIKA RODIS, 2016. 202 p.
8. Lukin B.A. The literary text: The foundations of linguistic theory and analysis [Electronic resource]. M.: OS'-89, 1999. URL: <http://gramota.ru/biblio/research/hudtext0> (Date of access: 03.05.2018).
9. Osnovina G.A. On the interaction of the title and the text // Russian language at school. 2000. No. 4. P. 62–66.
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed., add. M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.

11. Karasik V.I. On the categories of linguoculturology [Electronic resource] // Language personality: Problems of communicative activity. Volgograd: Change, 2001. URL: http://perviydoc.ru/v23702/карасик_в.и._о_категориях_лингвокультурологии (Date of access: 10.05.2018).